

КОНФЕРЕНЦИИ

IX международная научная конференция «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»

1–3 апреля 2008 г.

Москва, ГУ–ВШЭ

В первых числах апреля 2008 г. в Москве прошла IX международная научная конференция «Модернизация экономики и глобализация», организованная Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. В конференции, вызвавшей значительный интерес российских и зарубежных ученых, представителей власти, бизнеса, средств массовой информации, приняло участие более 1400 человек. На 17 тематических секциях, включающих 87 сессий и 10 круглых столов, прозвучало 320 докладов как по экономической проблематике, так и по всему остальному спектру гуманитарных наук: социологии, политологии, праву, философии, культурологии и др.

1 апреля на пленарном заседании конференции министр экономического развития и торговли РФ Эльвира Набиуллина заметила, что процесс глобализации несет как новые возможности для развития, так и существенные риски. Именно сквозь призму этих возможностей и рисков уже девятый год подряд в рамках конференции обсуждаются наиболее актуальные экономические и социальные аспекты развития России и других переходных и развивающихся экономик.

Глобализация – это своего рода «тойнбианский» вызов, который брошен сегодня всему миру, в том числе и России. Ответом на этот вызов со стороны России может стать попытка сохранить свое культурное ядро, т.е. те ценности, благодаря которым Россия идентифицируется как независимое государство со своей уникальной цивилизацией. Эта попытка может быть выражена в региональном сценарии развития глобализации, как это сейчас практикуется многими странами, также оказавшимися в подобной ситуации. Такой сценарий представляет собой гармоничное существенное взаимодействие и взаимопроникновение глобализации и национальных и этнических культур. Этот процесс описан американским исследователем Роландом Робертсоном, именно им был придуман подходящий для него термин – глокализация.

С другой стороны, помимо глокализации, глобализации сопутствует еще один не менее важный процесс – массовая гламуризация общества, что связано с повсеместной виртуализацией социума и всемирной американизацией культуры. Подчас даже специфические национальные особенности принято подавать в блеске и шике гламура.

Представленные 2 апреля на конференции доклады почетного профессора психологии Еврейского университета в Иерусалиме Шалом Шварца и специального представителя Всемирного банка при ВТО и ООН в Женеве Ричарда Ньюфармера вполне можно было бы поместить в один тематический сборник, хотя они и были разнесены по разным секциям – «Социальные ценности» и «Мировая экономика и политика» соответственно. В общем-то, оба доклада описывали разные стороны одной медали – развитие локального сценария глобализации при внешнем усилении процесса всемирной экономической, политической и культурной интеграции.

В начале своего доклада «Культурно-ценностные ориентации: природа и значение национальных различий» профессор *Шалом Шварц* отметил, что ценности являются центральным аспектом культуры. Одни из них могут быть более желательны в данном обществе, другие – менее. Всего он выделил 54 ценности, которые объединил в своего рода ценностные блоки. Это 7 основных культурно-ценностных ориентаций (культурные ценности группового уровня): Гармония, Принадлежность к группе, Иерархия, Мастерство, Аффективная автономия, Интеллектуальная автономия, Эгалитаризм.

В свою очередь эти ориентации формируют 3 биполярных измерения культуры, представляющие альтернативные решения каждой из проблем, с которыми сталкиваются все общества: Принадлежность к группе против Автономии, Иерархия против Равноправия и Мастерство против Гармонии. На крайних полюсах этих измерений находятся идеальные модели обществ, в которых преобладают те или иные культурно-ценностные ориентации. Но, по мнению г-на Шварца, если какая-либо культурно-ценностная ориентация утверждается по максимуму, то она неизбежно являет свою темную сторону, что чревато конфликтами внутри самой культуры. «Потому в реальности таких обществ не существует, – заметил Шварц, – на самом деле все гораздо сложнее».

Нельзя сказать, что, например, для такого-то общества характерны гармония и эгалитаризм. Можно говорить скорее о соответствующих тенденциях данного общества, исходя из степени преобладания в нем тех или иных культурно-ценностных ориентаций. Та же гармония, объединенная с эгалитаризмом, конечно, говорит о сильном волюнтаристском настрое в обществе, но вряд ли указывает степень его концентрации.

Степень же эту можно вычислить, основываясь на данных социологических исследований ценностей «Schwartz Value Survey»¹, которые были проведены в 74 странах и охватили 77 культурных национальных групп. При проведении опросов выборка включала в основном школьных учителей и студентов университетов. Сами вопросы составлялись с поправкой на национальные и культурные особенности. В опросе было использовано 45 ценностных объектов, которые в различных культурных регионах имеют приблизительно одинаковый смысл.

На основе полученных данных была построена матрица культурного разграничения, по которой можно вычислить так называемое «культурное расстояние» между любыми двумя странами. Именно это культурное расстояние способно объяснить многие конфликты и недопонимания, возникающие при столкновении представителей различных культур. Оно же оказывает непосредственное влияние на международную торговлю.

И уже потом, задав таким образом своеобразную систему координат, прочертив векторы культурных ориентаций, можно нарисовать карту культурных регионов в современном мире. Причем, как заметил профессор, отличия регионов по социально-экономическому уровню могут быть как следствием, так и причиной отмечаемых культурных различий. Так, достаточно высокий уровень Мастерства в Южной Африке отражает разворачивающуюся в регионе борьбу с бедностью, которая поощряет и наделяет легитимностью изменения вплоть до эксплуатации окружающей среды. А отрицательные показатели в Восточной Европе таких ориентаций, как Иерархия и Равноправие, при высоком уровне Интеллектуальной автономии говорят о заметном в прошлом влиянии коммунистического режима на эти страны. На основе этой карты выглядит возможным составление долгосрочных прогнозов – конечно, если не учитывать различные непредвиденные ситуации (войны, стихийные бедствия и т.д.), которые в данном исследовании не рассматривались.

¹ Выполняются под руководством Ш. Шварца, исследовательский коллектив включает более 50 человек. Подробнее об исследованиях см.:

http://www.imo-international.de/index_englisch.htm?/englisch/html/svs_info_en.htm

Зато природный фактор занял крайне важное место в докладе г-на *Ричарда Ньюфармера* «На пути к следующей волне глобализации», который был представлен 2 апреля в рамках секции «Мировая экономика и политика». И фактором этим было глобальное потепление.

Ньюфармер говорил о том, что следующая волна глобализации будет намного более стремительной и повлечет за собой беспрецедентный экономический рост. Это будет происходить по четырем основным каналам: технологии, финансы, перемещения людей и международная торговля. «Люди начинают понимать значимость телекоммуникаций, и это понимание открывает перед мировым сообществом широкий спектр новых возможностей по получению глобальных знаний», – отметил он.

Быстрое распространение современных технологий, видимо, ускорит мировую интеграцию, и это – одна из основных причин ускорения глобализации. Причем развивающиеся страны по темпам роста технологического процесса уже сегодня опережают развитые страны. Также за последние 40 лет резко возросла миграция населения. Люди стали более мобильны. «Если к 20 годам моя дочь посетила около 15 стран, то я набрал такое количество только годам к 35», – полушутя заметил докладчик.

Для анализа всех этих тенденций специалистами Всемирного банка был выбран долгосрочный сценарий – до 2030 года.

Итак, мировая торговля будет расти, как и мировая интеграция. Соответственно, увеличится доля присутствия развивающихся стран в международной торговле. Уже через четверть века Китай станет главной экономикой мира. Россия тоже будет занимать значимое положение.

Мировой экономический рост увеличит доходы и сократит процент абсолютной бедности. Число людей, которые живут меньше, чем на один доллар в день, к 2030 г. будет составлять менее 500 млн. человек и почти все они будут сосредоточены в Африке. В развивающихся странах средний доход на душу населения удвоится. Но, увы, даже при таких условиях будет сохраняться экономическое неравенство.

– Это хорошие новости, – сообщил г-н Ньюфармер, – но есть и плохие.

Во-первых, последствия глобального потепления непредсказуемы, но уже сейчас ясно, что пострадают от них именно развивающиеся страны, хотя основную ответственность за возникновение этой проблемы несут развитые экономики.

Во-вторых, глобализация повлечет за собой большие потрясения. В частности, при внедрении в мировую экономику внутренних экономик. Некоторые регионы (например, часть Африки) окончательно отстанут от мирового сообщества. Латинская Америка не сможет в полной мере использовать потенциал своего экономического роста.

В-третьих, изменения на рынках труда будут для многих слишком быстрыми. Возникнет большая текучесть рабочей силы. Системам социального обеспечения придется переориентироваться, чтобы помогать людям со сменой работы. Это обострит многие экономические проблемы, и политические институты окажутся слишком слабы, чтобы с ними справиться.

Вообще, реализация потенциала мировой интеграции требует определенного политического ответа – как на глобальном, так и на локальном уровне. Внутренняя политика отдельных стран должна будет усилить конкурентоспособность своих экономик и тем самым подтвердить, что возможности экономического роста используются повсеместно.

Единственный же путь поощрения глобального равенства – это многосторонняя экономическая реформа, проект которой сейчас обсуждается в рамках ВТО. Она могла бы объединить все мировое сообщество в единую многостороннюю экономическую систему и обеспечила бы поддержку низкодоходным странам, чтобы они в полной мере могли использовать возможности экономического роста.

Что касается другого аспекта мировой интеграции, то в плане культурном подобная система уже давно построена. Это, в первую очередь, относится к социальным сетям. Ведь это «благо всемирного единства» влечет за собой всеобщую американизацию культуры и гламуризации социума, о чем и говорил 3 апреля на круглом столе «Вызовы и перспективы виртуализации в глобализированных системах» профессор Санкт-Петербургского государственного университета *Дмитрий Иванов*. Его доклад «Глэм-капитализм и глэм-наука» был представлен в рамках той же секции, что и днем ранее исследование профессора Шварца («Социальные ценности»).

Г-н Иванов говорил о том, что сейчас в обществе можно констатировать появление нового социального феномена, который в масс-медиа и повседневных дискурсах получил название гламура. Гламур – это не просто эстетическая форма или культурная логика, это сама рациональность сегодняшнего капитализма.

Понятие гламур (от англ. *glamour* – очарование), придуманное в середине 1930-х годов в Голливуде для описания особого стиля подачи образов киногероев, где все «красиво, роскошно, эротично», превратилось сегодня в универсальную медийную характеристику современного общества. И теперь именно этот глэм задает фундаментальную и универсальную логику деятельности, которая порождает и развивает новую версию капитализма – глэм-капитализм.

На перенасыщенном рынке продуктов создание бренда является самым эффективным средством в борьбе за внимание потребителей. Но когда виртуализация становится обыденностью, она порождает предельно высокую конкуренцию образов. И чтобы быть максимально успешными, образы становятся все более примитивными и более броскими, а именно яркость и примитивность являются основными характеристиками гламура. Таким образом, гламур становится универсальным феноменом. «Гипертрофированная яркость и прямолинейные ассоциации с роскошной и богемной жизнью, сексом и экзотикой притягивают внимание, и потому в экономике, столь зависимой от внимания, именно активно культивируемый гламур создает новых чемпионов рыночной гонки – производителей и потребителей всего “страшно красивого”», – закончил этот логический ряд Дмитрий Иванов.

Сегодня в экономике побеждает тот, кто сумел превратить себя в тренд, а свое поведение представить в качестве некоего универсального этического императива. Причем успешность самого тренда определяется креативностью коммуникаций, которые в новых условиях являются уже не сопровождением и поддержкой товара, а самим товаром.

В своем стремлении создавать тренды, а, главное, самим стать этими трендами, компании объединяются в «гламурно-промышленный комплекс» – сеть, объединяющую производителей, дизайнеров, работающих в индустрии моды, и потребителей – «трендоидов». Стандарт таких сетей в конце 1990-х годов был задан компанией Nokia, которая выпустила в продажу партию телефонов, созданных при участии D&G.

Сами же участники этих сетей являются прямой причиной капитализации гламура. Они – глэм-капиталисты, держатели «авторских и смежных» прав (например, прав на изобретение, бизнес-идею, текст, музыку, собственное имя). Именно они сегодня контролируют самые вызывающие, притягательные и малозатратные по первоначальным инвестициям «горячие бренды».

В капитализации гламура помимо глэм-капиталистов участвуют и сверхновые глэм-профессионалы. Ими могут быть разного рода креативные директора, проект-менеджеры, дизайнеры, стилисты, консультанты и т.п. Следствием всего этого становится изменение привычной структуры стратификации. Из «лимонообразной» с доминирующим средним слоем она становится «грушевидной», бимодальной. Это происходит потому, что глэм-

капиталисты и глэм-профессионалы образуют новые статусные группы, которые трансформируют привычную систему статусов.

По мнению профессора Иванова, для описания процесса всеобщей гламуризации общества и появления новых социальных феноменов традиционные социальные науки бесполезны. Отсюда возникает потребность в «глэм-науке».

Чтобы оставаться конкурентноспособным на перенасыщенном рынке интеллектуальной продукции, исследователь должен не только заинтересовать и убедить, но и очаровать – «огламурировать» (to glamour) аудиторию. Для этого он начинает использовать в качестве объекта так называемую «большую пятерку»: роскошь, экзотика, эротика, что-нибудь розовое, кто-нибудь блондинистый. А в качестве метода соответственно применяется «большая десятка»: топ-лист, рейтинг (правил, секретов, проблем, решений...). Так появляется глэм-наука.

Дмитрий Иванов уточнил, что в чистом виде глэм-наука присутствует в глянцевах журналах, где (по)читатели гламура находят материалы, ценимые по тем же критериям, по которым всегда ценились научные исследования: актуальность, истинность, практическая значимость. Понятие истины, выработанное глэм-наукой, вполне адекватно той аудитории, на которую эта наука ориентирована, потому что сверхновая модальность общественной жизни раскрывается не в истинах-нравоучениях традиционных социальных наук, а в истинах-развлечениях глэм-науки.

Единственная альтернатива глэм-науке состоит не в отказе от нее, а в ее преодолении и появлении «веселой науки», идею которой проповедовал Ницше. «“Веселая наука” открывает не столько забавные, сколько злые истины, – заметил г-н Иванов. – Злой истиной для социальных наук является глэм-капитализм. Злой истиной для глэм-капитализма является альтер-социальность сверхновых движений. Злой истиной для альтер-социальных движений является вырастающий из их столкновений и конвергенции с глэм-капитализмом альтер-капитализм». Если до конца следовать логике профессора Иванова, то злой истиной для глобализации окажется глокализация, которую в таком случае можно будет переименовать в альтер-глобализацию.

Тогда, быть может, не зря к феномену глокализации сегодня так внимательно и с разных сторон присматриваются совершенно разные исследователи. Ведь Шалом Шварц далеко не единственный, кто попытался выделить и измерить определенные культурные ценности, чтобы построить карту культурных регионов мира. В частности, этой проблематикой занимаются Г. Хофстед, Р. Инглхарт и др.

И если уже сейчас аналитики Всемирного банка при составлении долгосрочных экономических прогнозов не могут не делать скидку на определенные культурные приоритеты, то, быть может, появление карт культурных регионов сможет сделать эти прогнозы более точными.

Альфия Булатова,
Экспертный канал «Открытая экономика»,
<http://www.opec.ru>